

ЭЛИЗАБЕТ УАЙТ, ДЖОАННА СЛИВА

ФАЛЬШИВАЯ ГРАФИНЯ

ОНА ОБМАНУЛА НАЦИСТОВ И СПАСЛА

ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Сильнее смерти. Невероятные истории силы духа

Джоанна Слива

**Фальшивая графиня. Она
обманула нацистов и спасла
тысячи человек из лагеря смерти**

«ЭКСМО»

2024

УДК 929(438)"1939/45"

ББК 63.3(4Пол)622-8

Слива Д.

Фальшивая графиня. Она обманула нацистов и спасла
тысячи человек из лагеря смерти / Д. Слива — «Эксмо»,
2024 — (Сильнее смерти. Невероятные истории силы духа)

ISBN 978-5-04-223970-0

Невероятная история Янины Мельберг — еврейки, которая спасла тысячи жизней в лагере смерти Майданек, маскируясь под польскую аристократку, — основанная на ее неопубликованных мемуарах. Апрель 1943 года, Польша, Люблин. Лагерь Майданек становится последним пристанищем для десятков тысяч евреев, поляков и советских граждан. Графиня Янина Суходольская, чиновница местного соцобеспечения, тоннами привозит в Майданек еду и лекарства. А еще — контрабанду для лагерного сопротивления. Каждая ее посылка спасает тысячи людей. Каждый ее приезд — смертельная опасность. Однако графиня скрывает не только факт нелегальных поставок, но и то, что она на самом деле... еврейка. Под личиной «поддельной графини» Суходольской узников спасает Пепи Спиннер — еврейка, решившая бросить вызов нацистам. С помощью хитрости, уговоров и железной настойчивости «графиня» убеждает чиновников СС не только принимать от нее поставки супа и хлеба (и даже украшенные рождественские елки), но и освободить тысячи поляков из концлагеря. Опираясь на рукопись неопубликованных мемуаров Янины, дополненную потрясающими исследованиями, историки Холокоста Элизабет Уайт и Джоанна Слива воссоздали историю ее подвига. «Поддельная графиня» — это остросюжетная сага о хитрости, мужестве и силе духа обычного человека перед лицом невыразимой жестокости. «Эта книга — необычайное свидетельство мужества, стойкости и человечности в самые мрачные месяцы Холокоста. Эта захватывающая история, тщательно реконструированная двумя выдающимися историками Второй мировой войны, гарантирует, что мир не забудет выдающуюся Янину Мельберг и ее эпическую спасательную операцию, бросившую вызов великому злу. Вы не отложите эту книгу до самой последней страницы: это потрясающий фрагмент

в истории Холокоста, который запомнится надолго после прочтения». —
Дебби Сензипер, журналист, лауреат Пулитцеровской премии В формате PDF
А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(438)"1939/45"

ББК 63.3(4Пол)622-8

ISBN 978-5-04-223970-0

© Слива Д., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Предварительные замечания	7
Пролог	12
Введение	14
Глава 1	20
Глава 2	26
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Уайт, Джоанна Слива
Фальшивая графиня
Она обманула нацистов и спасла
тысячи человек из лагеря смерти

Elizabeth White, Joanna Sliwa

The Counterfeit Countess: The Jewish Woman Who Rescued Thousands of Poles During the Holocaust

Copyright © 2024 by Elizabeth B. White and Joanna Sliwa

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Предварительные замечания

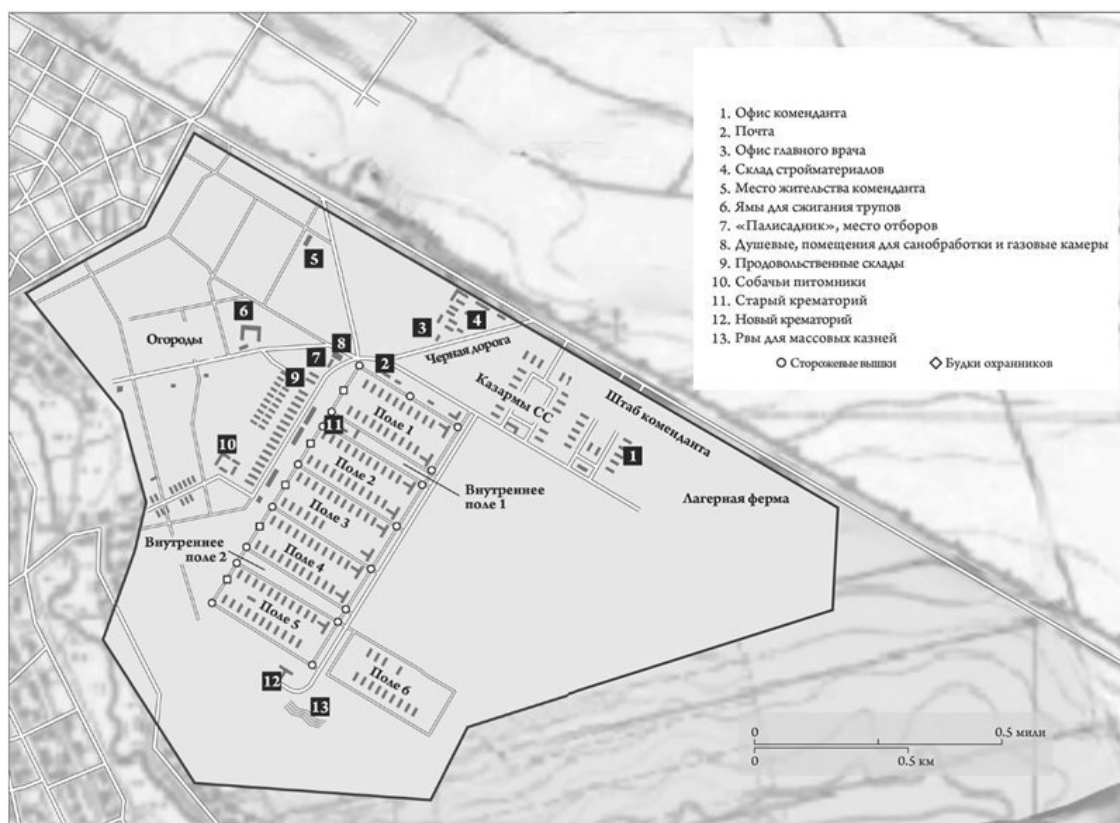
Названия мест, в которых Янина жила в Восточной Галиции (ныне Западная Украина), в двадцатом веке менялись, порой неоднократно. В период с 1939 по 1941 год современный Львов, например, назывался Лембергом. В книге указываются названия, которые знала и использовала Янина. Для мест, которые сейчас называются по-другому, текущее название приводится в скобках при первом упоминании.

Довоенная Польша была многонациональным государством. Большинство населения составляли этнические поляки, говорившие по-польски, в основном католики. Как и Янина, многие представители национальных меньшинств считали себя поляками и во время Второй мировой войны рисковали и жертвовали жизнями ради своей страны. В основном польские граждане идентифицировали себя и других по этнической принадлежности. В книге термин «поляки» обозначает представителей польской национальности.

Пролог

9 августа 1943 года

Люблин, Польша

В который раз графиня Суходольская явилась к коменданту Майданека со своими абсурдными требованиями. Оберштурмбаннфюрер СС Герман Флорштедт служил во многих концентрационных лагерях в Германии, но Майданек не был на них похож. Расположенный в Люблине, на территории оккупированной немцами Польши, лагерь оказался примитивным и отвратительно организованным по сравнению с находившимися в Рейхе. Назначение комендантом было преподнесено Флорштедту как повышение, но в действительности его наказывали – за подозрение в коррупции в Бухенвальде. Прибыв в Майданек, он увидел громадную строительную площадку: никакого водопровода, немощенные дороги, зараженные колодцы и ямы вместо отхожих мест, испускавшие отвратительную вонь. Из труб лагерного крематория валил дым, и на землю осыпался пепел мужчин, женщин и детей, казненных в газовых камерах. Около 23 тысяч заключенных прозябали в невероятной грязи. Инфекционные заболевания распространились настолько, что заболевали и умирали даже солдаты СС.

С точки зрения Флорштедта, у Майданека был только один плюс: он играл роль сортировочного узла, куда поступали личные вещи сотен тысяч евреев, которых СС уничтожало в оккупированной центральной Польше. На складах в Люблине хранились горы одежды, обуви, мехов и кожи, ящики с деньгами, украшениями, часами, обручальными кольцами и золотыми зубами.

Флорштедт должен был надзирать за тем, чтобы их сортировка проводилась эффективно и Рейх мог воспользоваться награбленным добром. Но никто же не заметит, если комендант и его приближенные возьмут немного себе – как компенсацию за преданную службу и безжалостное уничтожение расовых врагов Германии?

Минусов было куда больше, включая необходимость отбиваться от польских благотворительных организаций, которые рвались поставлять продукты и лекарства полякам, заключенным в Майданеке. Польский Главный опекунский совет (ГОС) и польский Красный Крест были куда настойчивей подобных организаций в Рейхе. Они сумели добиться разрешения на еженедельную доставку хлеба и других продуктов на лагерные кухни, привозить заключенным дополнительные пайки и поставлять лекарства в лагерные медпункты. И все равно графиня Янина Суходольская из ГОС постоянно требовала большего: разрешить более частые доставки более широкого ассортимента продуктов и лекарств. Она даже предлагала привозить заключенным готовый суп. В любом другом лагере такое было немыслимо. Но в ответ на решительное «нет» графиня не успокаивалась, а обращалась в вышестоящую инстанцию и каким-то образом убеждала военное начальство в том, что исполнить ее просьбу – в интересах Германии.

Что еще хуже, во время своих визитов в Майданек графиня шпионила за тамошними условиями содержания. Попытки ей помешать оставались втуне. Польскую аристократку, миниатюрную женщину с аккуратно уложенными темными волосами, не смущали грубые окрики и угрозы немецких солдат. Не так давно она донесла в Министерство здравоохранения об эпидемии тифа среди заключенных, вынудив Флорштедта организовать для них подобие лечения.

Теперь она досаждала ему насчет нескольких тысяч содержащихся в лагере польских крестьян. Эсэсовцы пригнали их в Майданек, отобрав у поляков фермы, чтобы передать германским поселенцам. Поскольку всех трудоспособных сразу же переправили на принудительные работы в Рейх, в Майданеке остались в основном старики и дети. Спустя несколько недель в лагере они начали стремительно умирать от обезвоживания, голода и болезней – темпами, чрезмерными даже для Майданека. Графине удалось каким-то образом уговорить немецкие

власти освободить 3600 польских крестьян, еще остававшихся в Майданеке, но с условием, что ее организация возьмет на себя всю бумажную работу и найдет место, где их расселить. Графиня с коллегами справились за каких-то пару дней.

Она прибыла в лагерь рано утром, чтобы встретить гражданских. У ворот ее уведомили – без дальнейших объяснений, – что половина из них «не подлежит» освобождению. Оставшихся гражданских собрали в третьем из пяти подразделений Майданека, расположенном в километре от ворот, где ждала графиня. Для многих это расстояние оказалось непосильным: графиня с нарастающей тревогой наблюдала за тем, как заключенные, цепляясь друг за друга, падали и беспомощно лежали в пыли. Вот как она оказалась в кабинете Флорштедта и теперь настаивала, чтобы он позволил грузовикам и каретам скорой помощи въехать в лагерь за освобожденными. Позволить польскому гражданскому транспорту въехать в концентрационный лагерь было нарушением всех правил безопасности. Но Флорштедт знал, что сопротивляться не имеет смысла – графиня добьется своего через голову коменданта.

Через два часа в Майданек прибыли грузовики, автобусы и кареты скорой помощи, собранные графиней по всему городу.

В августе 1943 года из Майданека было освобождено 2106 польских крестьян. Более четверти освобожденных оказались в двух главных госпиталях Люблина, и примерно двести человек скончались в ближайшие дни: половина из них – дети до двенадцати лет. Но 1900 человек выжило благодаря усилиям графини Суходольской и ее коллег.

На этом ее деятельность по помощи заключенным Майданека не закончилась. Графиня продолжала требовать от нацистских властей новых послаблений, и постепенно они согласились на увеличенные поставки продуктов, лекарств и предметов первой необходимости. Они даже позволили доставить в лагерь наряженные рождественские елки, чтобы заключенные могли отметить праздник. К февралю 1944 года Главный опекунский совет пять раз в неделю доставлял суп и хлеб четырем тысячам польских заключенных в Майданеке, помимо прочих поставок продуктов и лекарств. Очень часто графиня привозила суп в лагерь лично, под строгим надзором эсэсовских охранников.

Все это время никто не подозревал, что бесстрашная графиня, такая уверенная и аристократично-надменная, на самом деле не графиня и не Суходольская. В действительности ее звали Янина Спиннер-Мельберг, она была блестящим математиком, офицером подпольной польской Армии Крайовой – и еврейкой.

Введение

В декабре 1989 года историк Элизабет «Барри» Уайт неожиданно получила посылку от незнакомца. Там лежала копия рукописи без названия, отпечатанной на машинке. Отправитель, американский профессор истории Артур Функ из Университета Флориды, объяснял, что это мемуары Янины Мельберг, польской еврейки, пережившей Холокост в Люблине и пользовавшейся псевдонимом графини Янины Суходольской. В мемуарах рассказывалось о том, как она убедила эсэсовские власти разрешить доставку продуктов тысячам заключенных в концентрационном лагере Майданек и как использовала эти доставки для передачи записок и оружия заключенным бойцам Сопrotивления.

Функ добавлял, что после войны Янина Мельберг эмигрировала в США. Она умерла в 1969 году в Чикаго, где работала профессором математики в Технологическом институте Иллинойса. После смерти Янины ее муж, философ Генри Мельберг, безуспешно пытался опубликовать ее мемуары. Незадолго до собственной кончины в 1979 году он передал мемуары Функу в надежде, что историк сможет найти издателя. Функ попытался, но у него ничего не вышло. Издательства мемуарами не заинтересовались. Тогда он решил отослать их Барри, которая не так давно выступила с докладом о Майданеке на съезде Американской исторической ассоциации. Функ надеялся, что ей удастся обнародовать воспоминания Янины Мельберг.

Барри знала, что во время Второй мировой войны в Люблине, оккупированном немцами, действительно жила графиня Янина Суходольская. Послевоенные исследования по Майданеку подтверждали, что она, как сотрудница Главного опекунского совета, лично осуществляла регулярные доставки продовольствия заключенным и, как член подпольной Армии Крайовой, участвовала в поддержке лагерного Сопrotивления, обеспечивая циркуляцию корреспонденции. Многие бывшие заключенные Майданека помнили графиню, храбрую и добрую «женщину с грустной улыбкой», которая привозила им пищу, новости с фронта, украшенные рождественские елки, пасхальные яйца и облатки для причастия. Заключенным запомнилось, что она никогда не отступала, если эсэсовцы выкрикивали ругательства и угрозы ей в лицо; они поражались тому, как ей удавалось добиваться послаблений для них от нацистских властей, и приписывали эти успехи ее знанию немецкого менталитета. Бывшие узники испытывали к ней признательность не только за доставку еды, но также за надежду, которую она им дарила. Однако ни в одном из исследований и воспоминаний не говорилось, что графиня использовала псевдоним или тем более была еврейкой.

Хорошо представляя себе, каким адом на земле являлся Майданек, Барри читала рукопись с нарастающим изумлением – и скептицизмом. В Люблине находился штаб самой массовой акции по уничтожению евреев, «Операции Рейнхард». В рамках операции как минимум 63 тысячи евреев были казнены в газовых камерах Майданека или в расстрельных рвах¹. Тысячи поляков также попали в заключение и были убиты. И при этом в мемуарах рассказывалось о том, как миниатюрная женщина-еврейка вела переговоры с нацистской верхушкой в Люблине, часто встречалась с эсэсовским начальством в Майданеке, общалась с охраной лагеря и регулярно бывала на его территории. Она оказывала постоянное и регулярное давление на немецкие власти с целью добиться для своей организации разрешения на еще более широкий и разнообразный спектр помощи узникам Майданека. Судя по ее воспоминаниям, она никогда не принимала «нет» в качестве окончательного ответа, а «да» считала за повод просить больше. Что еще более невероятно, она использовала гуманитарную помощь как прикрытие для передачи участникам лагерного Сопrotивления корреспонденции, оружия и средств для

¹ Цифра основана на самых современных и проверенных данных о еврейских жертвах в Майданеке: Chmielewski, «Żydzi w KL Lublin», in *Więźniowie KL Lublin 1941–1944*, ed. Kranz and Lenarczyk, 264–265.

побега. Помимо своей деятельности в Майданеке, она также спасала поляков, схваченных для отправки на принудительные работы в Германию, и детей, отнятых у семей. Гестапо угрожало ей, вело за ней слежку и посылало шпионов; она неоднократно чудом избегала ареста, пыток и смерти.

История, рассказанная в мемуарах, показалась Барри слишком фантастической, чтобы быть правдой. С другой стороны, автор явно обладала детальными знаниями о Майданеке, его персонале и заключенных – знаниями, которыми не мог обладать тот, кто не был связан с лагерем лично. Получалось, что если мемуары правдивы, то они содержат исторически важные сведения, которые необходимо предать огласке. Но если они правдивы, почему же Янина Мельберг не заявила о себе сразу после войны? Она написала мемуары только в 1960-х, давно уехав из Польши и прожив значительное время в США. Если же мемуары лживы, зачем Янине и Генри Мельберг понадобилось идти на столько ухищрений ради подделки? Барри решила, что не может давать мемуарам ход, не убедившись, что Янина Мельберг действительно была графиней Суходольской.

Однако в те времена Барри не нашла способа удостовериться в их подлинности. В 1989 году интернет находился в зачаточном состоянии; изучение жизни Янины Мельберг требовало длительного сидения над пыльными папками и просмотра микрофильмов в архивах. Барри недавно родила ребенка и работала в Департаменте юстиции США над расследованиями и обвинениями нацистских преступников. У нее не было ни времени, ни возможности проводить исследования в Польше, к тому же она не знала польского языка. Поскольку Функ планировал передать копии мемуаров в несколько архивов, включая Мемориальный музей Холокоста, Барри надеялась, что какой-нибудь более квалифицированный ученый займется их верификацией и опубликует эту историю.

Прошли годы, потом десятилетия, но мемуары так и не были опубликованы. Функ скончался в 2007 году. Мысль о том, что она может быть единственным историком, знающим о мемуарах, не давала Барри покоя. Что, если там рассказана правда? Разве на ней не лежит ответственность убедиться в этом и обнародовать их?

В 2017 году, став штатным историком Мемориального музея Холокоста, Барри вернулась к проверке воспоминаний Мельберг и обнаружила упоминание о ней в книге, написанной в 1975 году бывшим членом польского Сопротивления. Говоря о вкладе в Сопротивление в Майданеке «Янины Суходольской-Мельберг», он упоминал о том, что ее мемуары пока не нашли своего издателя².

Хотя это открытие убедило Барри, что Янина Мельберг могла быть графиней Суходольской, она пришла к выводу, что перед публикацией требуется собрать больше доказательств. Решив привлечь к работе историка, обладающего необходимой квалификацией для обработки и выпуска мемуаров Янины Мельберг, она отправила рукопись Джоанне Сливе, специалисту по Холокосту в Польше. Прочитав мемуары, Иоанна предложила в сотрудничестве с Барри изучить биографию Янины Мельберг и рассказать миру ее историю.

Благодаря исследованиям в архивах, интервью, фотографиям и контактам в девяти странах на трех континентах мы смогли не только проверить подробности мемуаров, но также узнать гораздо больше о героической деятельности Янины Мельберг в качестве графини Суходольской. Эпизод из пролога книги, к примеру, в мемуарах не упоминается, но он основан на документах военного периода польского Главного опекунского совета. Эсэсовский начальник, которого ей удалось уговорить освободить гражданских из Майданека, был предводителем «Операции Рейнхард», человеком, на руках которого была кровь полутора миллионов евреев. Помимо благотворительной деятельности в Майданеке, она обеспечила пищу, убежище и медицинскую помощь тысячам польских гражданских лиц, лишившихся жилья или изгнан-

² Krzyżanowski and Soroka, «The Polish Underground Resistance in the Lublin Area», 145–156.

ных из их деревень. Она устраивала походные кухни и госпитали, пункты отдыха, приюты для детей, оставшихся без семьи, и вела переговоры по освобождению тысяч поляков из пересыльных и трудовых лагерей – не только Майданека.

Мы также обнаружили, что за свою жизнь Янина Мельберг неоднократно меняла имя и род занятий – становясь с каждым разом моложе. Как Пепи Спиннер 1905 года рождения она в двадцать два года окончила аспирантуру престижного Университета Яна Казимежа во Львове, Польша, со степенью по логике и философии. Как Йозефа Мельберг работала преподавателем математики и лектором во Львове с 1935 по 1941 год, после чего они с Генри бежали в Люблин и выправили поддельные документы. Как графиня Янина Суходольская стала секретарем, а впоследствии заместителем руководителя люблинского отделения Главного опекунского совета. Одновременно как «Стефания» служила в антикоммунистической польской Армии Крайовой, крупнейшем вооруженном отряде Сопротивления на территории оккупированной немцами Польши. Когда в 1944 году советские войска изгнали немцев из Люблина и установили коммунистическое правление, она стала доктором Яниной Суходольской, социальным работником, 1909 года рождения. В послевоенной Польше она была заместителем начальника социальной службы – оказывала помощь нуждающимся в стране, разоренной войной. В 1950 году сбежала в Западный Берлин и эмигрировала в Канаду под именем Джозефины Янины Спиннер-Беднарской-Мельберг. Наконец, в 1961 году она стала гражданкой США, доктором Джозефиной Яниной Спиннер-Мельберг, 1915 года рождения.

Хотя «Янина» не было ее именем до 1941-го, она оставила его в окончательном варианте, с которым прожила до самой смерти, и его же использовала в мемуарах. В предисловии к мемуарам, написанном ее мужем Генри уже после ее смерти, он называет ее Яниной Спиннер-Мельберг. По этим причинам мы решили в книге называть ее Яниной.

Когда мы взялись за проверку мемуаров Янины, то думали в случае успеха опубликовать их вместе с сопроводительным текстом, который будет объяснять исторические отсылки и контекст описываемых событий. Такой подход сохранит «голос» Янины и ее взгляд на события, одновременно позволяя читателям лучше понимать рассказываемую историю. Мемуары начинаются в начале Второй мировой войны и заканчиваются в 1944 году, со входом советских войск в Люблин. Рассказ не строго хронологический – скорее это серия зарисовок, освещающих различные аспекты ее жизни и опыта. Он основывается на предпосылке, что читатель знаком с упоминаемыми людьми, местами и событиями. Сами по себе мемуары не могут сообщить современному читателю всю степень важности истории Янины. Например, сегодня очень немногие за пределами Польши знают о существовании концентрационного лагеря Майданек. Однако в 1944 году он стал известен на весь мир после того, как Красная армия освободила его и представила первые наглядные доказательства истребления нацистами евреев в газовых камерах. Лагерь демонстрировался в документальном фильме, который показывали на суде против нацистских военных преступников в Нюрнберге. Еще до того, как название «Аушвиц» стало синонимом Холокоста, Майданек был международным символом преступлений нацистского режима.

Узнав о жизни Янины и ее подвигах гораздо больше, чем рассказывается в мемуарах, мы решили вместо этого написать ее биографию. Основываясь в первую очередь на мемуарах, мы излагаем историю с ее точки зрения, включая ее мысли и наблюдения. Диалоги в книге либо напрямую заимствованы из мемуаров, либо почерпнуты из бесед, которые описываются там. В эпилоге мы говорим о том, как переработали мемуары Янины, о ее мотивах для их написания и о том, что они раскрывают в ее характере и опыте. Мы заканчиваем собственными словами Янины из последних абзацев мемуаров.

Эта книга пересказывает биографию Янины в контексте событий, которые повлияли на ее действия, и интегрирует ее опыт в широкий контекст террора, которому немцы подвергли Польшу и ее население – не только евреев, но и этнических поляков, – во время Второй миро-

вой войны. Оккупированная немцами Польша стала «нулевым уровнем» для нацистской политики «окончательного решения еврейского вопроса» и местом, где большинство еврейских жертв нацизма погибло в гетто, лагерях и расстрельных ямах. Янина стала графиней Суходольской для того, чтобы избежать этой судьбы. Даже в качестве якобы «арийской» польки, она постоянно находилась под угрозой преследования на национальной почве и последующего убийства. В нацистской идеологии евреи были самым опасным врагом немцев из всех «недочеловеков», но этнические поляки на нацистской расистской шкале находились немногим выше. Немецкие оккупанты устроили в стране грандиозную бойню, которая менее чем за шесть лет унесла жизни трех миллионов польских евреев и около двух миллионов поляков-неевреев. Немцы также захватили более двух миллионов поляков, отправив их в Рейх на принудительные работы, оторвав от семей, и похитили десятки тысяч польских детей, чтобы превратить их в немцев. Польский юрист еврейского происхождения Рафаэль Лемкин в 1944 году впервые использовал термин «геноцид» для описания попытки немцев уничтожить и евреев, и неевреев в Польше.

История Янины иллюстрирует то, как поляки сопротивлялись немецкой оккупации и помогали друг другу выжить. Ее саму спас друг семьи, нееврей, граф Анджей Скжинский, который перевез Янину и Генри в Люблин и обеспечил их документами на имя графа и графини Суходольских. Евреи, жившие с поддельными документами в Польше во времена Холокоста, старались как можно меньше показываться на публике и практически не выходили из дома из страха, что их узнает кто-нибудь из старых знакомых, что в их речи промелькнет акцент, или эсэсовец заставит показать бумаги, которые не выдержат проверки. Но Янина не могла сидеть в бездействии, пока ее соотечественники страдают и умирают вокруг. При поддержке Скжинского она вступила в польскую Армию Крайову, вооруженный отряд Сопротивления. Из всех стран, оккупированных нацистской Германией, в Польше сопротивление было самым многочисленным, и женщины играли в нем важнейшую роль. Янина стала не только курьером и шпионкой, но также помогла организовать целую сеть, состоящую преимущественно из женщин и девушек, которые доставляли сообщения и передачи заключенным участникам Сопротивления.

Несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны исследователи и общественность практически не проявляли интереса к деятельности еврейских женщин в период Холокоста и вообще к борьбе женщин против нацистской Германии в рамках Сопротивления или разведывательной работы. Функ сообщил Барри, что в своих попытках опубликовать мемуары Янины он отправлял их знаменитому историку Холокоста в США. Тот, хоть и нашел мемуары интересными, счел, что опыт одной женщины, пережившей Холокост, не заслуживает специальной публикации. В те времена исследования Холокоста только зарождались, и историки были сосредоточены в основном на действиях и мотивах нацистских преступников. С тех пор фокус исследований расширился, и реакция еврейских женщин на нацистский геноцид стала важной областью изучения. В XXI веке вспыхнул всеобщий интерес к историям женщин, боровшихся с нацистским режимом и помогавших спасти его жертв. Рассказывая историю Янины, мы упоминаем подвиги других польских женщин, рисковавших своими жизнями, деятельность которых пересекалась с той, что вела героиня.

Также через графа Скжинского Янина получила должность в польском Главном опекунском совете, известном также по аббревиатуре ГОС. Немцы не позволяли ГОС оказывать поддержку всем гражданам Польши – только этническим полякам. В Люблине и окрестностях ГОС поддерживал сотни тысяч поляков, согнанных с их земель, лишившихся собственности и средств к существованию и выживавших на голодных пайках, либо согнанных в концлагеря и тюрьмы. Совет обеспечивал их крышей над головой, пищей, лекарствами и одеждой в основном благодаря жителям Люблина, которые и сами терпели лишения и голодали в результате политики, проводимой Германией. Их вклад позволял Янине кормить тысячи заключенных в

Майданеке, доставляя тонны хлеба и сотни литров супа в лагерь на практически ежедневной основе. Ни в одном другом лагере подобной программы не существовало.

Вторая мировая война и Холокост породили множество вдохновляющих историй о бесстрашных и бескорыстных героях, сражавшихся с нацизмом и спасавших его жертв. Самые известные из этих историй происходили в Польше. Немецкому промышленнику Оскару Шиндлеру посвящены книга Томаса Кенилла и фильм Стивена Спилберга, повествующие о том, как он, рискуя собственной жизнью, потратил все состояние на спасение 1200 еврейских рабочих своих предприятий. Про семью смотрителя зоопарка, Яна и Антонину Забрински, спрятавших около трехсот евреев и польских бойцов Сопротивления на территории зоопарка, написана книга Дианы Акерман и снят фильм Ники Каро «Жена смотрителя зоопарка». Еще больше книг и фильмов посвящается польке Ирене Сендлер, социальному работнику, которая выносила еврейских детей из варшавского гетто и передавала в семьи и религиозные учреждения³. Книги и фильмы повествуют о невероятном мужестве и подвигах таких участников Сопротивления, как братья Бельские из воспоминаний Нехамы Тек и фильма Эдварда Цвика «Вызов», а из недавнего – о «девочках из гетто» в «Свете грядущих дней» Джуди Баталион.

История Янины уникальна. Она была еврейкой и спасала неевреев в эпицентре самой масштабной операции Холокоста по массовым убийствам. Она была свидетельницей начала «Операции Рейнхард» – кровавой депортации в лагерь смерти Белжец 30 тысяч люблинских евреев – и стала одной из первых поляков, увидевших ее апокалиптический конец с массовым расстрелом в Майданеке и двух других лагерях 42 тысяч заключенных. Пять раз в неделю она являлась в Майданек, где убивали и пытали ее соплеменников, зная, что и ее тоже ждут пытки и смерть, если эсэсовцы узнают о ее тайной деятельности или настоящей личности. Раз за разом она вступала с убийцами в переговоры, чтобы иметь возможность помогать их жертвам, и выходила победительницей: основываясь на военных архивах, можно утверждать, что она договорилась об освобождении из концлагерей минимум 9707 поляков – 4431 из Майданека. Еще большему количеству узников она спасла жизнь своими поставками продовольствия и лекарств. Невозможно сказать точно, сколько людей обязано жизнью усилиям Янины, но это наверняка пятизначное число.

Мемуары Янины – это сочетание рассказов о ее жизни в период Второй мировой войны и рассуждений о человеческой природе, которая стремится найти смысл в переживаемом опыте. Янина стала очевидицей проявлений всего самого плохого и самого хорошего в человеке. Она видела, как люди, участвовавшие в жесточайших преступлениях, совершали акты невероятной доброты и даже самопожертвования, и как люди, постоянно рисковавшие жизнью ради спасения других, оказывались эгоистами. Она понимала, что некоторые ее сограждане – включая даже тех, кто работал с ней плечом к плечу, принимал от нее помощь, зажигал свечи и молился за ее безопасность, – отказали бы ей в принадлежности к польскому народу, узнав о еврейском происхождении. Однако одним из главных личностных качеств Янины, которое красной нитью проходит через все ее повествование, является глубокое сочувствие людским слабостям, благодаря которому реалистичный взгляд на человеческую природу не мешал ей стремиться к спасению каждой жизни, которую она могла сохранить.

Янина была удивительно умной, прозорливой и изобретательной. Ее специальностью в математике являлась вероятность, и это явно помогло ей в момент, когда собственное выживание и успех зависели от оценки рисков, на которые она шла ежедневно. Однако в первую очередь ее действия основывались на не расчетах, а на простом математическом принципе: ценность одной жизни меньше, чем ценность нескольких, и ее жизнь, если она выживет, но не спасет других, не будет ценной вовсе.

³ На русском языке см.: *Маццео Т.* Дети Ирены. Драматическая история женщины, спасшей 2500 детей из варшавского гетто. М.: Эксмо, 2023. (Прим. ред.)

Янина никогда не следовала стереотипам и не позволяла им ограничивать себя: занималась математикой, где главенствовали мужчины; была патриотом страны, которая дискриминировала ее и по половому, и по национальному признаку; будучи еврейкой, рисковала жизнью, чтобы спасти неевреев от нацистов во время Холокоста; и, не разделяя коммунистических ценностей, работала в коммунистическом правительстве, чтобы оказывать помощь соотечественникам в нужде.

Она заботилась обо всех людях, вне зависимости от их мизогинии, расизма или идеологии, и ценила собственную жизнь за то, что может в ней помогать другим. Ее история заслуживает того, чтобы быть рассказанной.

Мир нуждается в ней.

Глава 1

Ранее

Когда, приближаясь к концу жизни, доктор Джозефина Янина Мельберг решила записать воспоминания и размышления, заслуживавшие, по ее мнению, остаться потомкам, она не упомянула о своих первых тридцати пяти годах. Не рассказала она и о том, как после Второй мировой войны на государственной службе обеспечивала помощь согражданам, обездоленным и осиротевшим, а также ни словом не упомянула о последующих годах в США, где стала профессором математики. Воспоминания и уроки, которые подтолкнули и даже заставили ее написать мемуары, касаются исключительно периода, когда Вторая мировая война разрушила ее комфортную жизнь польской интеллектуалки еврейского происхождения и поставила на грань гибели от рук нацистских оккупантов, вторгшихся в Польшу. Тогда Янина сделала судьбоносный выбор: она проведет оставшиеся дни не в страхе и ложной надежде на бессмысленное выживание, а в дерзкой борьбе ради спасения других, прежде чем встретить осмысленную смерть. Это произошло, когда она превратилась в графиню Янину Суходольскую – женщину, чье имя осталось неизвестным для большинства спасенных ею, и женщину, которая до конца своих дней будет вспоминать тех, кого спасти не смогла.

Она родилась 1 мая 1905 года в обеспеченной еврейской семье и получила имя Пепи Спиннер⁴. Ее отец, Пинкас, был богатым землевладельцем, и в детстве девочку окружала элегантная роскошь⁵. Спиннеры прекрасно встроились в местное общество и не испытывали на себе открытого антисемитизма. Социально они входили в круги польской аристократии, владевшей соседними поместьями; их дети стали первыми товарищами Янины. Как и их богатые друзья, Янина со старшими сестрами, Хайей и Блюмой, получали домашнее образование – няни и репетиторы учили их манерам и давали знания, которые требовались девочкам в аристократических польских семьях.

Родной город Янины, Журавно, находился в Восточной Галиции – регионе, переходившем от одного государства к другому всю последнюю тысячу лет. Сегодня это часть Украины, но несколько столетий Галиция входила в состав Польши. В конце XVIII века Австрия, Пруссия и Россия разделили на части некогда мощную и влиятельную Речь Посполитую. Галиция досталась Австрии⁶.

Все три державы пытались заставить польское население ассимилироваться. Поляки, однако, не собирались отказываться от своей национальной идентичности, культуры и чаяний, хотя их восстания жестоко подавляли. В 1867 году Австрия в попытке сохранить свою многонациональную империю превратилась в конституционную монархию, Австро-Венгрию, и предоставила некоторую автономию другим этническим группам. Восточная Галиция со столицей во Львове стала центром польского национализма и культуры.

⁴ Большая часть информации в этой главе о жизни Янины до Второй мировой войны, ее характере и отношениях с мужем, Генри Мельбергом, взята из следующих источников: предисловие Генри к мемуарам Янины; фотографии, включенные в «Историю Янины», ММХ; заявления на реституции и пенсию, поданные в правительство Западной Германии Мельбергами, «Henry Mehlberg», VA 278344, and «Janina Mehlberg», VA 278345, State Finance Office, Compensation Payments / Landesamt für Finanzen, Amt für Wiedergutmachung – Saarburg (BEG); интервью с доктором Артуром Файном, проведенное Элизабет Уайт; интервью с доктором Марджори Сенешаль и Эвой Тене, проведенные авторами.

⁵ «Pepi Mehlberg» CKŻP, Wydział ewidencji i statystyki 1945–1950, 303/V/425 /M 4762/174027, Archive of the Jewish Historical Institute (AŻIH). В конце XIX века только 5 % сельскохозяйственных земель в Восточной Галиции принадлежало евреям. Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien, 1941–1944*, 126.

⁶ При австрийском правлении Галиция была разделена на западную и восточную часть. Восточная Галиция прилегала к пограничным территориям, ныне относящимся к Западной Украине. Украинцы ныне называют ее «Галичина».

Янина свободно говорила на немецком – языке Австрии, изучала английский и русский и могла говорить на украинском с крестьянами, работавшими на отцовских полях. Скорее всего, она знала также идиш. Однако в основном она говорила на польском и французском со своими польскими друзьями из аристократической среды, впитывая их национальные чувства и поклонение польской культуре. Такая многонациональная среда дала ей базовые навыки, на которые она будет опираться, став взрослой, когда ее выживание и свобода будут зависеть от способности к притворству.

Когда Янине было девять, началась Первая мировая война, положившая конец ее счастливому детству и принесяшая потери и трагедии. Восточная Галиция стала основным полем битвы между Российской империей и Центральными державами: Австро-Венгрией и Германией. В первые месяцы войны в 1914 году российские войска прошли через Восточную Галицию и конфисковали все имения, принадлежавшие евреям. В 1915 году Центральные державы изгнали русских, но те, отступая, угнали с собой тысячи землевладельцев и преуспевающих предпринимателей⁷. Среди них оказался отец Янины. В 1918 году семье сообщили, что он погиб.

Война возродила надежды и решимость поляков отвоевать свой суверенитет, особенно после вмешательства Соединенных Штатов. Программа президента Вудро Вильсона «Четырнадцать пунктов» включала создание независимого польского государства, куда должны были войти земли, где поляки составляли этническое большинство. Однако в Восточной Галиции большинство составляли украинцы. Когда осенью 1918 года Центральные державы готовились сдаваться, Восточная Галиция снова стала полем боя. Поляки и украинцы сражались друг с другом и одновременно с большевистской Красной армией. В пылу ультранационалистской и идеологической лихорадки солдаты с обеих сторон истребляли евреев. Более ста тысяч евреев погибло в конфликтах, последовавших за Первой мировой войной. По мнению некоторых историков, это число доходит до трехсот тысяч, и те погромы могли считаться предвестниками грядущего Холокоста⁸.

Когда в 1921 году бойня наконец прекратилась, восточная граница Польши охватила значительные территории с украинским, белорусским и литовским большинством, включая Восточную Галицию. Янина с матерью, Таубой, поселилась во Львове и стала одной из лучших учениц в частной подготовительной школе для девочек, продемонстрировав острый и пытливый ум и выдающиеся способности к математике. Она была амбициозна и мечтала о карьере, где сможет проявить свою интеллектуальную одаренность.

Со временем Янина поступила в Львовский университет имени Яна Казимежа, где училась у двух ведущих европейских математиков: Стефана Банаха и Гуго Штейнгауза. Банах был пионером в области функционального анализа, но Янину больше интересовали работы Штейнгауза по теории вероятности и математическому мышлению. Она окончила университет со степенью по точным наукам, что позволяло ей стать учителем математики. Однако девушка метила выше – поступить в аспирантуру, защитить диссертацию и преподавать в университете. Женщины в математике в те времена не приветствовались нигде в мире, включая Польшу. Только пять женщин получили ученую степень по математике в Польше до начала Второй мировой войны, и только одна из них – во Львове. Штейнгауз особенно критически относился к женщинам на высоких уровнях своей науки⁹.

⁷ Snyder, *Black Earth*, 23; Veidlinger, *In the Midst of Civilized Europe*, 37–39.

⁸ Böhrer, «Post-war Military Action and Violence (East Central Europe)», *1914–1918 Online: International Encyclopedia of the First World War*, https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/post-war_military_action_and_violence_east_central_europe, доступ от 27 сентября 2021 года; Budnitsky, «Jews, Pogroms, and the White Movement», 1–23; Veidlinger, *In the Midst of Civilized Europe*, 1–5, 288–303.

⁹ За эту информацию мы благодарим доктора Дануту Кисельску, Институт истории науки, Польская академия наук.

Но Янина не позволила мизогинии помешать ей в достижении цели. Университет Яна Казимежа славился как место зарождения известного интеллектуального движения под названием «львовско-варшавская школа». Возглавляемый харизматичным философом Казимиром Твардовским, это был кружок преимущественно философов и математиков, которые рассматривали философию как отрасль, необходимую для понимания и развития любой науки, включая математику, которая связана с философией через логику. Твардовский брал к себе в аспиранты и женщин, и евреев; диссертации у него можно было писать и по другим наукам, не только по философии. Учась в аспирантуре под его руководством, Янина могла продолжать свои исследования в математике, одновременно участвуя в восхитительных и захватывающих дискуссиях на философских семинарах. Она подала заявку, и Твардовский принял ее¹⁰.

Янина получила степень доктора философии в феврале 1928 года¹¹. В своей диссертации под названием «Математическое мышление и традиционная логика» она демонстрировала, что принципов традиционной логики самих по себе недостаточно для математического мышления, которое должно основываться и на других источниках, особенно воображении и интуиции. В темные дни, которые ждали ее впереди, Янина будет применять логику, воображение и интуицию в отношении человеческого характера, для того чтобы противостоять врагам своей страны и спасти жизни ее граждан.

Янина получила возможность завоевать признание за свои работы, когда в мае 1928 года Польское философское общество во Львове пригласило ее выступить с лекцией. К сожалению, внезапная болезнь помешала ей, вынудив отменить выступление. К осени Янина достаточно поправилась, чтобы поехать в Париж, где ее ждал год обучения в Сорбонне. Затем она вернулась во Львов, где устроилась на работу преподавателем математики.

После возвращения она снова встретила с другим студентом Твардовского, Генри (тогда Генриком) Мельбергом¹². Будучи всего на семь месяцев старше Янины, он получил диплом по французской филологии в 1924-м и докторскую степень по философии в 1926 году в Университете Яна Казимежа, а затем провел два года, обучаясь в Австрии, Германии и Сорбонне. Вернувшись во Львов в 1928-м, он смог устроиться только учителем французского в частную подготовительную школу, находившуюся в Люблине. Оплата там была мизерной, а сам город показался ему унылым болотом по сравнению со Львовом¹³. С помощью Твардовского он получил должность преподавателя языков в городе Станиславове (ныне Ивано-Франковск, Украина)¹⁴.

Когда Генри опять встретился с Яниной, то обнаружил, что серьезная двадцатилетняя девушка, с которой он познакомился в последний год аспирантуры, превратилась в очаровательную, элегантную и стильную женщину в самом расцвете. Теперь она представлялась Юзефой, по своему первому имени, которое казалось более польским и не таким детским, как Пепи. Генри считал ее очень хорошенькой: она была миниатюрная и стройная, с сине-зелеными глазами и роскошными темными волосами, обрамлявшими симпатичное личико. Он насла-

¹⁰ Об истории львовско-варшавской школы см.: Woleński, *Logic and Philosophy in the Lvov-Warsaw School; Tradition of the Lvov-Warsaw School: Ideas and Continuities*, ed. Brożek, Chybińska, Jadacki, and Woleński. О роли женщины в движении см.: Pakszys, «Kobiety w filozofii polskiej. Dwa pokolenia Szkoły Lwowsko-Warszawskiej».

¹¹ «Z Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie», *Chwila*, 9 марта 1928 года, р. 13, доступ от 6 января 2021 года, <https://libraria.ua/en/numbers/6/26480/?PageNumber=12&ArticleId=983777&Search=pepi%20spinner>.

¹² Генри родился 7 октября 1904 года в Копычинцах у Нахима Мельберга и Сары Хане, урожденной Яменфельд. Информация о его семье предоставлена Księgi metrykalne gmin wyznania mojżeszowego z terenów tzw. zabużańskich, 1789–1943, sygn. 2268, 2419, 2858, 3460, Основной архив старых записей (AGAD).

¹³ Информация об академической карьере Генри взята из следующих источников: «Mehlberg Henryk», 1956–1951, Ministerstwo Edukacji Narodowej Departament Kadr, sygn. 3586, Архив новых записей (AAN); «Mehlberg Henryk», Архивы Университета Лодзи (AUŁ); «Mehlberg Henryk», Tom I: AUW.6/2.180, р. 101, Архивы университета Вроцлава (AUW); and «Henryk Mehlberg», 387b-14, Архивы Университета Адама Мицкевича (AUAM).

¹⁴ Archiwum Kazimierza Twardowskiego, Korespondencja Naukowa, Tom 23. Ły— Meh, pp. 96–144, Цифровой библиотечный архив.

ждался сочетанием ее женственности с острым умом. Генри был напористым и любил играть ведущую роль в интеллектуальных дискуссиях, что иногда вызывало недовольство его коллег-мужчин. Янина же запросто могла перебить его или отстоять свою точку зрения, причем делала это с таким обезоруживающим юмором, что Генри не обижался, когда они расходились во мнениях, и порой даже принимал ее сторону. Как и он, Янина была просвещена во многих сферах, а не только в своей собственной, и они вели долгие оживленные беседы. Генри, очарованный, решил, что нашел себе интеллектуальную ровню. Янина оценила мужчину, способного прийти к такому заключению.

В 1933 году Янину постигла серьезная беда, заставившая ее страдать духом и телом. Точная ее природа неизвестна, хотя возможно, это было связано со смертью матери в том же году. Генри поддерживал Янину в ее тяжелый период, и их взаимная любовь росла. Они поженились 6 августа в родном городе Генри, Копычинцах, и поселились в Станиславове. Генри надеялся, что в новой обстановке и с его заботой Янина быстрее поправится. К лету 1934 года Янина восстановилась настолько, что смогла подать статью по преподаванию математики в сборник, который редактировал Твардовский, но ее физическое здоровье оставалось слабым. В мае 1935-го с помощью Твардовского Генри сумел устроить Янину на лечение в госпиталь во Львове. После двухнедельной госпитализации ее здоровье и силы начали восстанавливаться¹⁵.

Летом 1935 года у Янины и Генри появился еще один повод радоваться: Генри получил преподавательскую должность во Львове, и они могли вернуться в свой любимый город. Благодарить за это снова надо было Твардовского. Профессор поддерживал его изыскания по философии науки; он постарался, чтобы и другие во львовско-варшавской школе узнали о них. В 1934 году президент Польского философского общества во Львове – бывший студент Твардовского и знаменитый ученый Роман Ингарден – пригласил Генри выступить на заседании общества с лекцией о своих теориях¹⁶. На следующий год он опубликовал (на французском) свое первое эссе по каузальной природе времени. Даже те, кто ставил его теорию под вопрос, признавали блеск аргументации Генри. Львовский кружок львовско-варшавской школы хотел, чтобы Генри вошел в его ряды, и ему помогли найти работу в городе. Янина тоже получила должность – преподавателя математики в старшей школе для девочек¹⁷.

После переезда во Львов Янина с Генри сделали студийные фотографии. Янина на снимке выглядит бледной и худой – возможно, это последствия долгой болезни, – но демонстрирует тонкое чувство индивидуального стиля. Она не носила волосы короткими волнами, которые тогда были в моде, и никогда не стригла свои длинные густые кудри, спадавшие ниже пояса, когда она распускала их. В тот день она собрала волосы в тяжелый узел сбоку головы. Генри на снимке выглядит как серьезный ученый, с задумчивыми голубыми глазами и редкими светлыми волосами, зачесанными со лба назад¹⁸.

Мельберги обосновались во Львове с комфортом. Помимо их преподавательских зарплат, Янина получала ежегодный доход от отцовского имения, а Генри, в качестве основного партнера, – от отцовской винокурни в Копычинцах¹⁹. Они сняли четырехкомнатную квартиру в богатом квартале близ университета и обставили ее в соответствии с изысканным вкусом Янины.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Письмо от Казимежа Твардовского», 26 февраля 1934 года, цифровой архив Roman Ingarden; «Odczyty», *Chwila*, 9 января 1935 года, р. 10.

¹⁷ «Spis prac D-ra Henryka Mehlberga», 3586, р. 9, AAN; «Письмо к Казимежу Твардовскому», 29 июля 1935 года, и «Письмо к Казимежу Твардовскому», 11 июля 1937 года, цифровой архив Roman Ingarden.

¹⁸ Archiwum Kazimierza Twardowskiego, «Księga Pamiątkowa», цифровой библиотечный архив, 20 октября 1936 года.

¹⁹ «Henry Mehlberg», VA 278344, BEG. *The 1930 Poland Industry, Business, and Finance Directory; The 1930 Poland Industry Directory*, vol. 4: *Food; The 1930 Poland and Danzig Business Directory (Trade, Industry, Handicraft, and Agriculture)*; а также *The 1932/1933 Poland Telephone Directory* (за исключением Варшавы), Genealogy Indexer, <https://genealogyindexer.org/>, доступ от 10 августа 2022 года.

Однако атмосфера в городе сильно изменилась со времен их студенчества. Надежды и идеалы, которые поляки разделяли, когда боролись за суверенитет, померкли и раздробились, столкнувшись с проблемами самоуправления. Интеграция трех регионов, в которых больше столетия действовали другие юридические, социальные, политические и экономические системы и которые затем семь лет страдали от войны, оказалась трудной, противоречивой и очень медленной. В конце 1920-х, когда ситуация начала немного выправляться, грянула Великая депрессия.

Еще более тревожной была политическая поляризация, из-за которой страной становилось все тяжелее управлять. Независимая Польша начала свое существование как парламентская демократия, гарантировавшая права этнических меньшинств, составлявших более 30 % ее населения. Однако насчет того, кого считать «истинными» поляками, имелись значительные разногласия. Правое крыло – национальные демократы – считало, что этнические поляки должны пользоваться преимуществами, которые могут быть доступны членам других христианских этнических групп только при условии ассимиляции, а польских евреев вообще следует изгнать из страны. Этой позиции противостоял герой польского освободительного движения Йозеф Пилсудский, социалист, придерживавшийся мнения, что все жители польского государства должны считаться полноценными гражданами. Устав от нестабильности польской многопартийной системы, Пилсудский в 1926 году свергнул правительство, заменив его своим авторитарным режимом²⁰.

Экономические тяготы Великой депрессии усилили этнические распри и народные волнения. Организация украинских националистов (ОУН) начала кампанию террора против польских «оккупантов», в то время как национал-демократы и их фашистские ячейки устраивали бойкоты еврейским бизнесам и даже провоцировали погромы. В основном это происходило в Восточной Галиции. В родном городе Янины, Журавно, в ходе погрома в апреле 1937 года были разрушены еврейские лавки и дома, а горожан-евреев сильно избили²¹. С начала января 1938 года еврейских студентов в Университете Яна Казимежа вынуждали сидеть на задних скамьях в аудиториях, называя те «скамьями гетто»; многих избивали, а некоторых даже убивали²².

Польский режим ответил на растущее недовольство еще большим авторитаризмом, особенно после смерти Пилсудского в 1935 году. Он также начал сблизиться с последователями национал-социалистов, используя их риторику. Был отменен закон о меньшинствах, наложено коллективное наказание на украинцев за атаки ОУН, а трем миллионам польских евреев предложили эмигрировать из страны²³. Вместе с памятью об этнических притеснениях в период после Первой мировой войны официальные репрессии в адрес меньшинств в Польше разожгли этническую ненависть, которой готовы были воспользоваться враги государства.

Среди потенциальных угроз для Польши особое место занимали ее крупнейшие соседи – Германия на западе и Советский Союз на востоке. Обе державы имели собственные интересы в регионе и стремились укрепить свои позиции на территориях, которые когда-то входили в состав их империй до Первой мировой войны. Несмотря на усилия Польши сохранить нейтралитет, обстановка оставалась напряженной, особенно после того, как Адольф Гитлер и его нацистская партия пришли к власти в Германии в 1933 году.

В марте 1938-го Гитлер начал кампанию территориальной экспансии, аннексировав Австрию. Далее он стер с карты мира Чехословакию, присоединив чешские земли к Рейху, а из Словакии сделав самоуправляемое государство-сателлит. К апрелю 1939 года никто не сомневался, что Гитлер избрал Польшу в качестве следующей жертвы нацистской Германии.

²⁰ Kochanski, *The Eagle Unbowed*, 7, 22–25; Gross, *Polish Society Under German Occupation*, 9–28.

²¹ Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 27.

²² Rędziński, «Studenci żydowscy we Lwowie w latach 1918–1939».

²³ Bartov, *Anatomy of a Genocide*; Heller, *On the Edge of Destruction*; Kochanski, *The Eagle Unbowed*, 26–32.

Однако Британия и Франция пообещали прийти Польше на помощь в случае нападения Германии и летом 1939 года заключили союз с СССР, направленный на сдерживание германской агрессии. Польское руководство считало, что даже Гитлер не настолько безумен, чтобы рисковать войной на два фронта с главными противниками Германии в Европе со времен Первой мировой войны.

И тут 24 августа мир потрясла невероятная новость: нацистская Германия и Советский Союз, заклятые идеологические враги, подписали пакт о ненападении, согласившись не нападать друг на друга в следующие десять лет. Через два дня немецкие войска уже выдвинулись к польской границе²⁴.

И все равно в 1939 году у Янины и Генри были причины наслаждаться своим положением и с оптимизмом смотреть в будущее.

Интеллектуальные круги Львова приняли их с распростертыми объятиями. Оба были признанными членами львовско-варшавской школы, которая стала одной из ведущих европейских философских школ.

Янину приняли в Польское математическое общество, и она публиковала статьи в «Журнале символической логики»²⁵.

Генри готовился к постдиссертационной сертификации, дававшей право преподавать в университете. Его опубликованные работы привлекали внимание и пользовались уважением как польских, так и зарубежных философов. Он регулярно читал лекции в Философском обществе и Университете Яна Казимежа, а также выступал по радио с беседами о философии Твардовского. Однажды Янина присоединилась к нему в эфире на дискуссии по вопросу «Относительна ли правда?»²⁶.

У Генри и Янины сложился кружок друзей, евреев и неевреев, восхищавшихся блестящей супружеской парой и наслаждавшихся их теплотой и щедростью. Янина, ласковая и заботливая, легко заводила дружеские отношения с людьми разного происхождения и достатка.

Ничто в жизни не готовило Янину и Генри к тому, что их ожидало.

²⁴ Evans, *The Third Reich in Power*, 678–99; Weinberg, *A World at Arms*, 31–35.

²⁵ В сентябре 1939 года Янина, тогда известная как Юзефа Мельберг, опубликовала обзор под названием *Sur la Nation de Collectif* по Яну Херцбергу в *The Journal of Symbolic Logic*.

²⁶ Объявления о выступлениях Генри можно найти в еврейской газете *Chwila*. Одно из них сообщало о его участии в радиопередаче: «*Stuchajmy dziś Radia*», *Chwila*, 3 ноября 1937 года, р. 12.

Глава 2

Начало конца

На рассвете 1 сентября 1939 года жители Львова слышали над головами гул немецких военных самолетов, а потом грохот разрывов бомб, падавших на их прекрасный город. Потрясенные, не веря своим ушам, Янина и Генри, как и многие другие в городе, не последовали официальным инструкциям спрятаться в подвале своего дома, поскольку были уверены, что польская воздушная оборона быстро положит конец бомбардировкам.

Однако два дня спустя немецкие самолеты продолжали сбрасывать бомбы, здания во Львове продолжали падать, и нарастающая паника погнала жителей в подвалы. Тем не менее они утешались радостными новостями: Франция и Британия объявили Германии войну. Конечно, думали поляки, немцев вот-вот заставят отвести войска и признать поражение.

Затем, спустя неделю, с запада начали появляться беженцы – сначала тонкий ручеек, а потом целая река, которая наводнила все городские улицы, насколько хватало глаз. Поезда уже не ходили, а автомобили были только у богатей, поэтому беженцы прибывали преимущественно пешком, на велосипедах или на телегах, с запряженными в них лошадьми и коровами. Они дрожали в ужасе и панике от германского блицкрига, когда их согнали с места, а по пути бомбили и обстреливали с воздуха. С беженцами пришли и слухи о том, что польские войска отступают, а правительство бежало из страны.

Янина и Генри прятались в душном подвале своего дома вместе с другими его жителями. Долгие дни и ночи они мучились от невыносимой скуки, перемежаемой моментами страха, когда все прислушивались к свисту бомб и визгу артиллерийских снарядов и задерживали дыхание, когда здание содрогалось от взрывов, гремевших совсем рядом. И все равно люди цеплялись за уверения польского руководства в том, что польская армия превосходит германский вермахт и отступление польских войск – это стратегический маневр²⁷.

Семнадцатого сентября, когда немецкие войска подошли ко Львову, в городе распространилась новость о вступлении советских войск на территорию Польши. Многие горожане сначала восприняли это как возможный знак помощи против немецкого наступления. Однако вскоре стало ясно, что Советский Союз действовал в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями с Германией, которые предусматривали изменение границ в Восточной Европе.

Янина с Генри спустились в бомбоубежище в подвале как гордые граждане Польши, а когда 22 сентября бомбардировки и обстрелы наконец прекратились, вышли оттуда подданными СССР. По секретному соглашению с немцами Советы присоединили польские провинции к востоку от реки Буг, включая Восточную Галицию. Оставшиеся территории Польши переходили к нацистской Германии, которая аннексировала польские западные и северные провинции в Третий рейх, а оставшуюся часть – примерно четверть довоенной Польши – превращала в Генерал-губернаторство, то есть, по сути, в колонию, управляемую германской администрацией в пользу метрополии.

В условиях слома прежней власти жизнь стала беспокойной, участились случаи грабежей и нападений. Украинские крестьяне, вдохновленные обещаниями перемен, начали захватывать земли и имущество, расхищая поместья и лавки и нападая на их владельцев, многие из которых были убиты. Большинство жертв являлось этническими поляками, далее следовали евреи²⁸.

²⁷ Помимо мемуаров Янины, отношение поляков и их переживания при нападении немцев описываются по: Klukowski, *Tagebuch aus den Jahren der Okkupation 1939–1944*; Shatyn, *A Private War*, 113–119; Иоланта Яворска, интервью с Яниной Винер, Centropa, <https://www.centropa.org/biography/janina-wiener> – wiener, доступ от 3 ноября 2021 года.

²⁸ Kochanski, *The Eagle Unbowed*, 121; Snyder, *Black Earth*, 120, 127; Burleigh, *Moral Combat*, 152–55; Mazower, *Hitler's Empire*, 98; Beorn, *The Holocaust in Eastern Europe*, 76–77.

Во Львове Янина и Генри оказались в непростой ситуации. После смены власти в городе началась путаница с квартирами – приезжавшим военным нужно было жилье, и многие семьи сталкивались с переселением или подселением²⁹. Вскоре двое красноармейских офицеров постучались в двери Янины и Генри. Янина в тот момент была дома одна.

Поздоровавшись с офицерами на русском, Янина любезно провела их по комнатам, надеясь, что им позволят остаться хотя бы в одной. Офицеры с удивлением разглядывали стеллажи, заставленные книгами от пола до потолка.

– Зачем вам столько книг? – спросил один из них Янину.

– Мы с мужем – профессора, они нам нужны для работы, – ответила она.

Другой офицер, глянув на книгу на рабочем столе, заметил, что фамилия автора совпадает с табличкой на двери в квартиру.

– Это ваш родственник? – спросил он.

– Это мой муж.

– Значит, ваш муж не только профессор, но еще и писатель и вы оба преподаете?

Янина подтвердила его выводы. К ее изумлению, двое офицеров поблагодарили ее за показ и ушли.

Оказалось, что при советском режиме преподаватели пользовались особым статусом и каждому позволялось иметь по две комнаты³⁰. Поэтому Янина и Генри смогли остаться вдвоем в своей квартире. А вот жильцам этажом ниже пришлось принять у себя четверых офицеров с семьями.

Но чтобы сохранить квартиру, Мельбергам надо было подтвердить свой статус преподавателей. Советы строго наблюдали за персоналом и программами в учебных заведениях, чтобы обеспечить идеологическую чистоту образования. Украинский, русский и идиш сменили польский и иврит в начальных и средних школах. В Львовском университете, переименованном в Университет Ивана Франко, в честь украинского писателя XIX века, языком обучения стал украинский, и многих польских и еврейских профессоров уволили. На философском факультете теперь полагалось преподавать марксистский материализм, а не неортодоксальные воззрения львовско-варшавской школы³¹.

Как дочь землевладельца, Янина считалась классовым врагом, а деятельность Мельбергов в львовско-варшавской школе могла лишить их права на преподавание. Официально регистрируясь у новых властей, Янина указала, что ее отец был простым счетоводом в польском поместье. Они с Генри представились школьными учителями: она – математики, а он – иностранных языков. Их предметы не считались идеологически подозрительными, и, поскольку Янина могла преподавать на украинском, а французский, которому учил Генри, считался необязательным, им дали разрешение продолжать работу.

Двадцать второго октября Янине и Генри пришлось проголосовать за то, что и так решили за них: что Восточная Галиция должна объединиться с Украинской Советской Социалистической Республикой. Каждый житель Восточной Галиции обязан был отдать свой голос. Тех, кто не являлся на участок для голосования, разыскивали и доставляли туда либо приносили урны для бюллетеней прямо домой. Подходя к урне, Янина, как и остальные голосующие, должна была показать, как заполнила бюллетень.

Результаты голосования были предсказуемыми: 90,83 % проголосовали за присоединение Галиции к Украине³².

²⁹ Amar, *The Paradox of Ukrainian Lviv*, 44, 50.

³⁰ Устная история Янины Винер; устная история Йозефа Клингхофера, интервью 4059, USHMM, USC Shoah Foundation Visual History Archive; Lanckorońska, *Those Who Trespass Against Us*, 1–22; Gross, *Revolution from Abroad*, 126–143.

³¹ Kochanski, *The Eagle Unbowed*, 125–126.

³² Ibid., 123; Gross, *Revolution from Abroad*, 106.

Голод и нужда охватили Львов. После смены власти частные предприятия и банки были закрыты или переданы государству, а польскую валюту заменил рубль. Люди старались устроиться на работу, но вакансий почти не было, и многие остались без дохода. Еды тоже не хватало, и к началу необыкновенно суровой зимы 1939/40-го угля для отопления было не достать. Даже черный рынок не выручал, а цены взлетели так, что зарплата не позволяла ничего купить. Каждый день начинался с поисков еды и самых необходимых вещей. В государственных магазинах ассортимент был таким скудным, что в витрине просто вывешивали объявление о том, *что* можно сегодня купить. Люди часами стояли в очередях, зачастую по ночам, в слабой надежде, что, когда очередь дойдет до них, на прилавке останется хоть что-нибудь.

Мельберги поселили у себя коллегу Генри, и двое мужчин вместе отправлялись на поиски пропитания. Закутавшись в свою самую теплую одежду, они выходили из дому затемно, прихватив с собой авоськи. Однажды ранним утром они увидели открытый магазин, в витрине которого стояли банки с жидким концентратом эрзац-чая. В восторге от перспективы поразить Янину этим редким деликатесом, мужчины купили две банки. Остаток охоты оказался не менее успешным, так как им удалось раздобыть полфунта конины, простояв в очереди всего шесть часов.

Вернувшись домой, они с заговорщицкими улыбками предложили Янине согреться ароматным горячим чаем.

В ответ на ее изумленный взгляд мужчины, торжествуя, развязали рюкзаки и обнаружили, что стеклянные банки с концентратом промерзли и раскололись, пока они стояли в очереди за мясом. Чтобы утешить добытчиков, Янина предложила вместо чая растворить в кипятке по щепотке лимонной кислоты. В суровые времена изобретательность и воображение были необходимы, чтобы справляться с обстоятельствами.

В то время жизнь во Львове была наполнена тревогой и неопределенностью. Многие жили в ожидании перемен и старались надеяться на лучшее, веря, что трудности этого периода не навсегда. Янина и Генри, как и многие поляки, хранили уверенность, что для их страны еще не все потеряно и рано или поздно времена изменятся.

Глава 3

Террор во Львове

С криками ужаса молодые женщины бежали по улицам Львова. Их ловили, срывали с них одежду и избивали. Мужчин волокли по мостовой и били камнями. Сотни людей гибли в кровавой лихорадке. Это были евреи, и их убивали собственные соседи. Было 30 июня 1941 года; немецкие войска только что взяли город.

Украинские националисты, воспользовавшись сменой власти, начали мстить за годы прежних обид, подогреваемые ненавистью и националистическими лозунгами. Козлом отпущения стали евреи, которых националисты и украинские полицаи объявили виновниками всех бед. Местные коллаборационисты жестоко расправлялись с мирным населением при попустительстве немецких оккупационных властей. Бойня продолжалась два дня, пока 2 июля немецкие военные власти не вмешались и не восстановили порядок. К тому времени более тысячи (по некоторым подсчетам, до четырех тысяч) евреев были убиты³³.

Затем в город прибыло подразделение одной из эсэсовских *айнзацгрупп*. Это были знаменитые эскадроны смерти из германской полиции безопасности и СД, обеспечивавшей безопасность за линией фронта во время военных операций. Полиция безопасности, состоявшая из гестапо и криминальной полиции, являлась государственным органом, в то время как СД (*Sicherheitsdienst*) была разведывательной службой СС (*Schutzstaffel*), вооруженным отрядом безопасности нацистской партии, но они объединились под общим командованием в начале Второй мировой войны. Одной из задач айнзацгрупп на захваченных советских территориях была ликвидация «юдо-большевизма» (так нацисты называли коммунизм) путем массовых казней коммунистов, интеллигенции и, прежде всего, евреев³⁴.

Янина и Генри не увидели первых украинских погромов, поскольку квартал близ университета, где они жили, был преимущественно нееврейским. Однако спустя двое суток после прибытия в город *айнзацкоманды* ее представители ворвались в квартиры двух десятков ведущих университетских профессоров, преимущественно поляков. Немцы арестовывали не только преподавателей, но и членов их семей, и даже прислугу. К концу следующего дня практически все были мертвы – расстреляны в массовых могилах на холмах над городом³⁵. Среди жертв были трое математиков, которых Янина знала и искренне уважала.

Убийства евреев тоже продолжались, хотя под руководством СС украинские полицаи проводили их более упорядоченно и организованно. Со 2 по 5 июля полицаи стогнали всех еврейских мужчин на стадион, где их избивали и пытали. Далее евреев строем провели до леса на окраине города, где, при помощи украинцев, эсэсовцы их расстреляли. Айнзацкоманда не вела точных подсчетов числа жертв, но предположительно их было от 2500 до 3000 человек³⁶.

Вермахт – германские вооруженные силы – установил во Львове военное правление, переименовав его в Лемберг. На все значимые посты комендант города назначил этнических украинцев. Хотя по нацистской идеологии все славяне, включая украинцев, считались людьми низшего сорта, немцы умели играть на этнических противоречиях. Вермахт организовал вооруженные отряды ОУН, которые прошли по Восточной Галиции вместе с немецкими войсками. При поддержке немцев украинские националисты призывали своих соотечествен-

³³ Himka, «The Lviv Pogrom of 1941», 209–243; Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 54–62.

³⁴ Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 53–54; Arad, Krakowski, and Spector, eds., *The Einsatzgruppen Reports*, i – ix; Krausnick and Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, 3–37, 150–172.

³⁵ Zygmunt Albert, перевод из *Każń Profesorów Lwowskich*, https://www.lwow.home.pl/lwow_prof.html, доступ от 1 ноября 2021 года.

³⁶ Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 68–69; Amar, *The Paradox of Ukrainian Lviv*, 120–137.

ников захватывать города и деревни и мстить своим врагам, особенно евреям и полякам. Но, несмотря на ожидания ОУН, нацистское правительство в Германии не собиралось давать украинцам независимость. После того как ОУН попыталась провозгласить украинскую государственность во Львове, ее лидеры немедленно оказались в концентрационном лагере Заксенхаузен³⁷.

Один из первых указов военной администрации гласил, что все евреи в возрасте от четырнадцати до шестидесяти лет должны носить нарукавную повязку со звездой Давида. Для СС и украинских полицаев это упрощало задачу поиска жертв³⁸. Янина с грустью смотрела, как ее друзья, состоявшие в смешанных браках, метались между двух огней. Некоторые разводились, чтобы супруг-нееврей мог забрать себе детей в надежде спасти их. Некоторые матери-нееврейки шли на то, чтобы их дети были объявлены незаконнорожденными, поскольку лучше было считаться бастардом, чем иметь отца-еврея. Были у Янины и друзья, которые всю жизнь исповедовали христианство, но по немецким меркам все равно считались евреями. Они могли скрыть свое происхождение от немцев, но не от украинцев. Профессор польской литературы, которого Янина и Генри знали как убежденного католика – его родители перешли в христианство и крестили его при рождении, – после требования носить нарукавную повязку покончил с собой, перерезав вены.

Супруги Мельберг надели повязки и в полной мере испытали на себе гнет нацистских преследований. Новая администрация запрещала евреям владеть радиоприемниками. Когда Янина пошла на приемный пункт, чтобы отдать свой, то обнаружила там длинную очередь других евреев, стоявших на безжалостной июльской жаре. Спустя несколько часов двое вооруженных украинских полицаев провели мимо очереди группу юношей. Внезапно Янина услышала рядом отчаянный женский крик:

– Это мой сын! Они уводят моего сына!

Женщина, стоявшая за ней с радиоприемником в руках, бросила его и побежала за группой. Один из полицаев грубо ее оттолкнул, но она продолжала бежать, моля отпустить ее сына. Тогда другой украинский полицай схватил ее и стал бить головой о бордюр тротуара, пока она не умерла. Тогда он еще несколько раз пнул мертвое тело и вернулся к своей группе. Янина ничего не могла поделать; она так и стояла в очереди, медленно двигавшейся мимо окровавленного трупа. Подобные сцены в городе уже стали привычными.

Двадцать пятого июля украинские полицаи учинили во Львове новый двухдневный погром. Они являлись к богатым евреям, выволакивали их на улицы, избивали, а потом уводили на расстрел³⁹. На этот раз они пришли и в квартал, где жили Генри и Янина. Янина поняла, что опасность близко, когда, выглянув в окно на шум с улицы, увидела украинцев, тащивших по проезжей части еврея – хозяина соседнего дома. Тот упал на колени перед одним из полицаев, в котором Янина узнала дворника из их квартала. Хозяин дома умолял дворника пощадить его, а тот рявкнул:

– Нет! При большевиках ты заявил, что я тебя обокрал. Теперь моя очередь над тобой поглумиться. Я и пальцем не пошевелю, чтобы выручить такую крысу, как ты!

Янина была потрясена. Зачастую, когда дворник подметал улицу, она останавливалась поговорить с ним и обязательно спрашивала, как поживают его дети, которыми он очень гордился. Когда однажды она узнала, что один из детей серьезно болен, то договорилась о лечении для него. Она не могла представить, как любящий отец и дружелюбный сосед, которого они

³⁷ Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 55–58; Winstone, *The Dark Heart of Hitler's Europe*, 103–104; Berkhoff and Carynnyk, «The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews», 150.

³⁸ Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien*, 45–52.

³⁹ Ibid., 64–66.

знали, вдруг превратился в злобного и бессердечного полиция, обрекавшего другое человеческое существо на жестокую смерть.

На следующий день к дому Янины и Генри подъехал грузовик, и из него снова вылезли полиция. Янина увидела, как они заходят в подъезд, и, думая, что они будут искать мужчин-евреев, настояла на том, чтобы Генри спрятался. Сама она решила притвориться гостьей семьи. Когда в двери постучали, Янина открыла – и увидела среди прочих того самого дворника. С трудом подавляя страх, она сказала, что гостит у Мельбергов, а тех сейчас нет дома. Тогда дворник заговорил:

– Это правда. Я видел, как они недавно уходили.

Группа двинулась дальше.

Янина закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, пытаясь осмыслить то, что произошло у нее на глазах. Мужчина, ответственный за смерть как минимум одного еврея, только что спас жизни двух других – с немалым риском для самого себя. Два эти поступка казались несовместимыми, однако их совершил один и тот же человек. В следующие три года она станет свидетельницей многих человеческих проявлений, логически несовместимых друг с другом, и этот опыт повлияет на то, как Янина будет оценивать риски, на которые пойдет, чтобы спасти жизни других.

К концу погромов 27 июля украинские полиция убили во Львове больше тысячи человек. Комендант города наложил на еврейское население штраф в два миллиона рублей – в наказание за «провокации» в адрес украинцев⁴⁰

⁴⁰ Ibid., 64–66; 123–125.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.